

БОРОДА ИЗ ВАТЫ, или К вопросу о становлении мастера

Александр Мурашов,
доктор педагогических наук

Ему старательно наштукатурили щёки и нос; белой ваты, закреплённой неведомо как, хватило и на бороду, и на причёску — почти под волосатого хипшаря, только кудрявую. Влад натянул валенки, синий куртон с завитками из фольги, — паши, Дедушка Мороз! Дари веселье людям!

Влад первый год в собственной школе в качестве учителя. Были вольные импровизации на темы стройотрядов, где рубал бабульки. Были спиногрызы в лагере, но это совсем другое. И от Деда Мороза по первачку не откосить. Ему сватали в Снегурочки то техничку тетю Клаву, то учительницу Антонину Альбертовну, — Влад в своё время, теперь незапамятное, учился у неё, и тогда техника речи у всего второго «а» была суперская: произнёс без запинки имя-отчество учительницы, — и можно в ди-джеи двигать! Но, похоже, отдуваться придётся всё-таки одному Владу. «Без Снегурочки не пойду!» — пробовал бухнуть, но вспомнил про Антонину Альбертовну, — и решил, что лучше один. Прикид ему нашли фирмовый, гля-

нул в зеркало — отпадник! Только завхоз пробурчал: «Не забудь обратно принести!» («Как же, приватизирую!»)

А фишка была в том, что среди урока (никого не предупреждали) в классе рисуется Дед Мороз с мешком и раздаёт конфеты, а затем по-любому про Новый год, туда-сюда... Можно клипаков настругать про зайчиков разных и белочек — будет вообще угар!

Отправился в ближайший класс. Открыл дверь: там вот уже десяток лет знакомая Нина Алексеевна:

— Сегодня мы говорим о биссектрисе. Биссектриса...

Появился Дед Мороз — и с порога:

— Это крыса. Она лазит по углам и делит угол пополам! — А пока, будто на автомате, гремел своим бородатым холодильником, вспомнил, как ляпнул «крысу», когда сам сидел за партой. Алиса (так почему-то ребята титуловали Нину Алексеевну) полезла на стул,

в стремаке, что по классу гуляет настоящая крысильда. Потом, когда срубила фишку, вызвала Влада к доске — и голосом, в котором помесь железа с зубной пастой: «Ты всё знаешь, и мы тебя слушаем». Типа, дать укорот, и пусть бурсаки шухерятся!

Нынче всё было по-другому. Класс развеселился, а Влад, уложив мешок на первый стол, дирижировал общим хором: «И делит угол пополам!» Весело было. А потом раздавал конфеты из огромного мешка, наполвину забитого ватой. Когда стручок с последней парты пробовал возникнуть — «Здравствуй, Дедушка Мороз!..», — Влад, который сёк в фольклоре, ответил:

— Здравствуй. Только не надо песен: кишки простудишь! — И пожалел, что он, Влад, уже не школяр и не стьюди, что он уже полгода в статусе взрослого тарахтел про Хаммурапи и Французскую революцию...

Вот только через полтора месяца, в феврале, Нина Алексеевна подойдёт к нему в учительской, — и, когда он, глядя в зеркало и мурлыкая про «сердце красавицы», поправит галстук, — она скажет ему с уважением:

**Ничто так прочно
не запоминают ученики,
как ошибки своих учителей.**

А. Лигов

— За крысу вам спасибо! Мои спугают что угодно, а этого — никогда и ни с чем: Дед Мороз сказал, сами хором повторили, — вы же новатор!

Снова школьный коридор. Через три или четыре минуты Дед Мороз (варежки оставил на математике — не возвращаться же!) вваливался в соседний кабинет. Там, похоже, предполагалось крупное зависалово: его, Влада, класс сидел на литературе, а молоденькая учительница Дарья Андреевна (в школу пришли вместе в сентябре) пыталась наладить дисциплину. Мычание было ответом на каждое её слово. Но, увидев упакованного в дедморозовские доспехи мажористого Влада, который до снега подвозил её в школу на мотике (он для неё даже серебристый шлем отыскал), — всплеснула руками:

— Ой, Владислав Сергеевич! Вас-то мы и ждали!.. И только теперь прикрыла ладонью рот: вошедший совсем не напоминал того «капитана» с байком, который сократил её путь в школу до десяти минут, да и путь к загсу вот-вот сократит. Теперь он вписался словно из леса, да ещё и с мешком.

— Девица-красавица, Дед я («Не слушай эту лажу!»), в лесу жил, к вам бежал что есть сил («Щас! Сама прибежишь, когда будешь на уроки опаздывать!»), зовут меня Мороз, мешок подарков вам принёс. А ты, чай, за другого приняла меня, любезная?! — Развернулся к классу, которого уже несколько месяцев не боялся:

— С Новым годом, девочки и мальчики! — Но вспомнил про мычание, и голос а-ля Николай Литвинов сменился левитановским, только в ускоренной записи:

— А конфет вам не будет, пока... — Посмотрел на доску. — Пока не расскажете мне, деду («Нет, дедовщина иногда — вещь!»), стишок, который вам задавали выучить. Ну, быстро! — потребовал с несвойственной стандартному Деду Морозу злостью. — Иначе так поздравлю, что мало не покажется!

Продолжение было похоже на старт его серебристого «Кавы»:

— Александров! — Не готов? — Единица! Дарья Андреевна, ставьте! Да, в журнал.
— Родионова! — Нет? — Единица!
Дневник сюда!
— Галицкий! — Не жуё мочалку! Единица! Дневник! В журнал!

Вдруг смутился: вот, влетел со своей бородой, раскомандовался... Когда оторопевшая Дарья Андреевна нарисовала в журнале с десятком единиц (и столько же в дневниках, поданных, кажется, впервые в её педагогической биографии), Влад с белой бородой, хоть всего двадцать два, — «успокоил»:

— Сегодня они после шестого урока придут и ответят как надо! А чтобы колы можно было исправить, — пусть отвечают не меньше чем на четвёрку.

Кто не дотянет, — у того будет чем ремонтировать забор! Только в дневниках не исправляйте: всё же исторически важные сведения. —
Обернулся к классу:

— С праздником поздравлю завтра в лесу. Как условились, в три собираемся на Горках, и чтобы все на лыжах! А вы, Дарья Андреевна, не беспокойтесь: всё будет ниш... нормально. — Искоса улыбнулся и сделал шаг к выходу, но замер: короткая шуба — единственное, что позволяло попасть в кадр, — лежала на столе, а сам он, джинсатый (уроков сегодня нет), в валенках и при бороде, — любовался инсталляцией и внутренне материл себя за блиц-криг вместо поздравления. Почесал затылок под тубетейкой своего нынешнего персонажа.

Спасибо, дети даже не попробовали хихикнуть. Осенило:

— Кто прямо на уроке получит пятёрку, — отнесёт завхозу шубу. Скажете: Дед Мороз имидж поменял и скрылся в валенках.

Следующая дверь — в спортзал, грех было не зайти.

— Я Дед Мороз («Только не засмеяться и не теревить кнопки на карманах!»), всех вас с Новым годом поздравляю, в жизни радости желаю. Будем праздник мы встречать, будем весело... — Воткнулся, ища рифму.

— Бухать! — прикольнулся Олег, стebarь восьмого «г». Началась ржачка: не только над репликой Олега, но и потому, что у Деда Мороза видон был странный, даже Санта Клаус, при всех понтах, не выглядел так, словно только соскочил с байка. Или с дуба — кому что ближе.

Физкультурник, Евгений Евгеньевич (кликуха «Каф-Каф»; потому что Евгений, и потому что теннисист), ответил Олегу, не спуская глаз с мажористого Деда Мороза:

— Красный нос может быть только у нашего гостя, а ты при чём? — И продолжал, явно горя желанием лажануть своего бывшего ученика, водрузившего на маты мешок с ватой и конфетами. Каф-Каф не забыл, как Владик Липатов («Влип» — подпольная кличка) был не только чемпионом по фехтованию и в лыжных гонках, но и — тоже учеником, — срывал уроки, правда, тогда ещё только в своём классе. Однажды с каната поинтересовался устройством ви-

селицы в средневековой Европе. Потом, когда урок шёл на площадке, а физрук был в красной куртке, — от фермера Антипыча привёл быка, — теннисист, кажется, мог стать чемпионом по бегу: потухали весь урок!

Но теперь убойная сила Липатова стала распространяться вширь? — Ни за что!

— Потренируемся на канате, — зло-
радно изрёк Каф-
Каф. — Дедушка
Мороз, не покажете
ли класс? — Во-первых, они теперь
коллеги; кроме того, всё-таки Дедушка,
на что указывали валенки и борода. По-
этому педагогическая этика прежде все-
го! — Вы ведь живёте в лесах, кажется,
под Крыжоплем, — наверняка умеете
лазить по деревьям. Кажется, ещё
не став дедом, вы это умели... («Опять
дедовщиной попрекает!»)

Оглядел свою «внеурочную» упаковку: не Дед Мороз, а отморозок, реально! А главное — валенки! Но не полезть на канат — облажаться перед восьмым «г», а они, хоть и «г», всё равно интересовались, где кодировали князя Владимира, чтобы не закладывал, — в Киеве или Полоцке, из которого тот после небольшого мочилова забрал себе Рогнеду и по пьяни поехал креститься.

— Олег! — услышал Влад свой голос. — В учительской, под вторым столом! — Показал глазами на валенки, развернулся и, картинно кряхтя и вообще демонстрируя полный абзац, побрёл к канатам. Но не успел дойти, как Олег, тот самый, чемпион по стёбу, притащил ботинки из-под второго стола. Влад остав-
лял там свои зимние, похожие на грин-
дерсы, и переобувался в «цивилянок»,
а сегодня — в валенки. И вот теперь,
наверное, впервые за путь из Великого
Устюга, Дед Мороз, уже оджинсевший,
снял валенки перед строем шлепокантри-
ков, с интересом ждавших развязки.

При изучении наук
примеры полезнее правил.
И. Ньютон

И она наступила: Дед Мороз, в гриндерсах а-ля отвязанный скин, взлетел на канат, работая ногами и руками, и приглашал, словно к барьеру:

— Евгений-Евгеньч! Давайте сюда! Помните, лет восемь назад вы просили сигаретку и гонялись за мной по всей школе, но я не дал: ваше здоровье нужно свободной России?!

**Я плачу учителю,
но учат моего сына
его соученики.**

Р. Эмерсон

Желая прервать мемуары бывшего ученика, физрук для верности полез на соседний канат, понимая, что урок всё равно почти сорван. А оборзевший Дед Мороз с высоты своего положения командовал:

— Всем подойти и взять из мешка по конфетке! По одной: мне ещё в путь...

— Мир — народам! Конфеты — голодным! Валенки — завхозу! — Их уволокли. — Молодца!

— Фантики собрали и отнесли в ведро! Всем построиться и слушать Евгений-Евгеньча, — он будет поздравлять с Новым годом! — И, наградив любезной улыбкой поднимающегося под потолок Каф-Кафа, медленно съехал вниз, работая только руками.

Зато учитель физкультуры был на высоте. Благодаря монтанистому Деду Морозу он уже преодолел канат, как в своё время поставил рекорд по бегу, ретировавшись от быка в учительскую (на школьном сленге — «дворянское гнездо»), и вполне был готов взять ситуацию в свои руки.

Урок был ещё не вполне сорван!

Но окончательно сорвала его завуч, Людмила Васильевна, которая прибежала в спортзал, как вбегают в милицию, — долго пытаюсь попасть в открытую дверь:

— Извините! Ой, где учитель?! А? Что-о? Евгений-Евгеньч висит? Снимите немедленно, тут такое творится! — Она близоруко шурилась и продолжала обращаться к восьмиклассникам и неведомо куда — к учителю, но скорее — к себе:

— Завхоз прибежал, говорит, шубу принесли — всё, что осталось от Деда Мороза. — Неожиданно увидела Влада, и могло показаться, что отредуцирует его, как нашкодившего семиклассника:

— Лип... Владислав Сергеевич! Вот вы где! (Она оглядела его с ног до головы своим неповторимо-педагогическим взглядом — и он по полной ощутил мандраж.) В стриптизёры готовитесь? Одним vareжки оставили, другим — шубу, теперь — валенки? — Глянула на канат, с которого за всем происходящим с интересом наблюдал учитель физкультуры. — Это он вас туда загнал? Ах, извините, продолжайте урок, всё, Дед Мороз нашёлся! — спохватилась она, ровно ничего не понимая и в минуту распрощавшись с имиджем «сугубо фиолетовой» дамы, взгляд которой прекращал любую смуту. А Влад, увидев по-прежнему строгую Людмилу Васильевну, начал оправдываться. В коридоре одновременно вздохнули — завуч и бывший ученик.

Борода предательски съехала на бок, своей ещё не было, и оба, должно быть, вспомнили, как девятиклассник Липатов, нарядившись к маскараду вампиром, отправил Людмилу Васильевну в обморок: та работала у себя в кабинете (казалось, она готова была работать и ночью), а он вписался «просто поздравить», а заодно испытать неотразимость упаковки.

— Но помилуйте, настоящие вампиры не ходят в кроссовках! — защищал его потом отец в кабинете директора.

— Дело не в кроссовках. С такой рожей!.. — Влад отвернулся, скрывая улыбку, в восторге от того, что маску Людмила Васильевна заценила по достоинству.

— А ты не улыбайся! — резко заявил отец, когда вышли из кабинета. Он смотрел в сторону, но Влад понимал, что как раз сейчас услышит что-то очень-очень важное. Отец посмотрел сыну в глаза: — Пойми, что она женщина! И ты для неё — защита. А если ты этого не понимаешь, то твоя маска была тебе... очень к лицу. И балахон, наверно, тоже.

И что-то разом изменилось. Может, всё. Влад ощутил, что не просто так качался на турнике, бегал кроссы, дрался на шпагах в секции, а также не на шпагах и не в секции. Не просто так решал самые ломовые задачи на математике, «козлил» на горном «лимузине», а потом зависал на «войнушке» каждую неделю. Не просто так отец брал его с собой на стрельбище, где садился на философский камень: «Назначение женщин — приносить жизнь, нам положено профессионально её отнимать. А дело в том, чтобы защищать». И Влад — защитник. Он должен им стать! Им, а не вампиром. Но он не Робин Гуд из джунглей...

После школы решил идти в лётное, туда, где когда-то учился и отец. Но за месяц до отъезда увидел на улице Людмилу Васильевну — она несла пакеты с продуктами. Подхватил и пошёл рядом, зачем-то заверив, что пакеты прочные и не разорвутся. Завуч посмотрела на него и вдруг сказала:

— Летай! Это здорово, и в Тамбове тебя ждут. Только иногда прилетай в школу: её сейчас боятся даже самые храбрые пилоты.

«И ты для неё — защита!» — вспомнил слова отца. В военкомате сказал, что никуда не едет, а идёт в педагогический. «Только в школу!» — заявил друзьям, сулившим по «косарю» баксов в неделю. Одноклассники вернулись после дембеля — звали директором охранной фирмы: «Ты же чумовой! У нас всегда будет лом клиентов». Начал дело, ещё студитором. — И ос-

тавил: «Только в школу!» Потому что — защитник. Быть, где труднее...

...Словно очнулся, услышав голос Людмилы Васильевны: — Владислав Сергеевич! Вас ждут в пятом. — И Влад увидел в учительской, куда пришли вместе, разложенные на диване варежки, и шубу, и валенки рядом на полу.

...Ну приколист! — После уроков Евгений Евгеньевич в учительской рассказывал, как карабкался на канат, чтобы заткнуть рот чересчур разошедшемуся Дедушке Морозу. Дарья Андреевна посматривала на часы, ожидая семиклассников, которым Влад наставил колов. Дед Мороз уже им намекнул, что с Дарьей Андреевной они ездят вместе даже сейчас — только на автобусе. А значит, он будет ждать в учительской: одних — с рапортами, а другую — чтобы идти на остановку. Французенка Ольга Леонтьевна поблагодарила от имени пятого «а» за поздравление, но заметила, что французский у Влада по-прежнему хромает.

— Я же из Великого Устюга, там говорят по-устюжски! — ответил он с улыбкой. И впервые почувствовал, что он — учитель, и не только по диплому. А значит, — и пилот, и защитник, и Дед Мороз. Одновременно. **ВШ**